

28 февраля исполнилось **70 лет** замечательному философу, теоретику культуры, со-руководителю семинара и мн. и мн. *Олегу Игоревичу Генисаретскому*. Мы поздравляем нашего друга и коллегу, желаем ему доброго здоровья, дальнейшей творческой работы на разных путях его деятельности. 22 февраля в клубе «Синяя ночь» состоялось чествование Олега Игоревича на вечере, имевшем название «Аорист», на котором выступали его друзья и почитатели, близкие люди, иные из которых приехали издалека. Они говорили о разном, потому что разным интересуется Олег Игоревич. Они разыгрывали его тексты, что трудно, но разыгрывали столь легко и весело, что, казалось, всё в них ясно и понятно. Светлана Неретина говорила о том, что для философа значит плащ.

Итак,

Плащ как схема

Тема подсказана мне Олегом, и тема оказалась весьма увлекательной.

Это тема *pallium*, палия, откуда наше «пальто» (считается, что и слово «плечо» является однокоренным со словом «плащ»). Но о пальто мы не читали панегириков. О шинели – да, но не о пальто. Потому что пальто – это производное от производного, от плаща, которому сперва пришили капюшон, а потом отстегнули. Пальто к тому же не стало символом чего-то очень значительного, а вот о плече, которое подставляют и которое ест основание руки – продолжателе умных повелений, рассказано и исследовано много, и плащ в какое-то время стал и был неким весьма значимым.

Речь все же – о плаще философа. И дело даже не в том, что Тертуллиан посвятил ему свой труд о плаще, который иногда называют загадочным (на мой взгляд, загадки там нет, а вот речь об изменении смысла философии ведется). Дело в том, что долгое время плащ был облачением философа, знаком философа, свидетельством философа. Аль-Фараби еще в 10 в. называли «Платоном, одетым в плащ пророка Мухаммада». Потом плащ превратился в монашескую одежду, и говорить стали не о нем. Но долго он свидетельствовал именно философию. Когда Тертуллиан писал апологию плаща, он, повторю, писал об изменении покроя этого плаща, то есть об изменении смысла самого философствования. Плащ у него говорящий. Можно даже сказать: палий это сама речь, это речь, говорящая собою и о себе. «Я, - говорит плащ, - ничего не должен ни форуму, ни марсову полю, ни курии... Я удалился от народа. Моя забота – во мне самом». Эти слова способны вызвать возражение, особенно сейчас, в апологии философией другого.

И плащ это понимает. «Было, - говорит, когда-то высказывание: «Никто не рождается для другого, кто умрет для себя». Вопрос, что такое этот я сам. Каким образом он сам? То есть каким образом он сам безмятежный, если с возвышения говорит «целительные для нравов речи» и если он – скальпель. Правда, такой скальпель, который «превращает в пар гной общества», то есть действует и сверху и снизу, извне и изнутри, потому что паллий-плащ-речь и извне, и изнутри, как облеченная речь. Но философия довольствуется и безъязычьем – звук издает само одеяние. Мир начал твориться с момента произведения. Произнесения звука. Слух и зрение – два важных атрибута философа, «Философа слышат, пока видят». Видят внешнее, слышат внутреннее. Видят сотворенный мир, слышат Слово, Которым мир творится. Четыре конца плаща покрывают все свободные искусства, связывая все к тому же с божественным образом мыслей и учением.

Почему, однако, воспевается плащ, почему он должен радоваться и ликовать, какой плащ? Тем более что завершается апология своеобразным лозунгом «От тоги к плащу!».

За его простоту. Он связан с **переменной облика**, он связан с **разумом**, который выявил многочисленные способы надевания тканей (вполне Хайдеггерово объяснение, относящееся к связи любой обыденной вещи со всем космосом). И - он **прост** сам по себе (четыреугольник), он просто надевается. Связь с Философией, всегда стремящейся к простоте, здесь очевидна. Не удивительно, что Тертуллиан обращается к простому плащу, плащ. Который носят все, понимает всех, понимает любую речь. А Тертуллиан провозгласил обыденную речь – речь мастерских ткачей и рынка – основной речью, основным языком философии Христа, школы Христа, связанной с самой человеческой обыденностью, повседневностью. Все это и тому подобное христианству предстояло добывать из блестящего мусора прошлых эпох.

Внешнее выражает внутреннее и формирует внутреннее. Об этом как-то часто забывается. Плащ-паллий в широком смысле это *habitus*, слово, которое, к сожалению, сейчас связано, с одной стороны, с привычкой, с другой – с внешним видом. Переведенное на греческий, оно звучит уже как схема (подсказка Олега), которое в обыденном сознании уж никак не связывается с плащом, но с планом, чертежом, наброском внешнего вида. Но вот Олег Игоревич говорит о схемах сознания, а про это уже вряд ли скажешь, что речь идет о чем-то внешнем.

Для понимания прорастания связи внешнего-внутреннего можно привести пример со строительством Александрии. Александр Македонский решил заложить в

333 г. город у древнего египетского поселения Ракотис, куда он и прибыл с военачальниками, танцовщицами, ботаниками, зоологами, историками и, разумеется, с архитектором Дейнократом. Место было замечательное: плодородное, близость моря и Нила, с естественной гаванью. Как строить? Дейнократ разложил на земле македонский плащ, покрыл его тонким слоем песка, провел пальцем продольные и поперечные линии и посыпал их мукой – это были улицы. Когда он показывал свою схему (плащ) Александру, слетелись голуби и стали клевать муку. Это сочли счастливым знаком, стали строить город, куда Александр через 10 лет вернулся в золотом саркофаге.

Схема, про которую обычно не говорят, что она – живая (мыслительная конструкция!) легла в основу новой городской **жизни**, не задумывавшейся в целом ни о какой философии. Плащ стал **habitus'ом**, и привычкой, и внешним видом, вольно или невольно определяющими и характер, и облик, манеры и склонности, способы действия, принимаемые на веру, потому что основания можно не знать и не видеть. Если мы посмотрим на значения хабитуса-схемы, то определения будут такие же, как в недавнем прошлом давались определения ментальности: здесь и порождение мысли, и бессознательные структуры, структуры сознания, характеризующиеся набором схем, чувств, склонностей и вкусов. Это такие объективные структуры (плащ), которые выражаются на уровне индивидуальной субъективности (сообразительный архитектор), порождающий новые структуры жизни (новый город с закрепленными привычками, навыками, недискурсивным знанием).

Примерно, как кажется, это имел в виду Олег, когда говорил, что мы постоянно в современности оказываемся в состоянии вопрошания, когда не помогают ни начитанность, ни наслушанность, потому что целое само по себе необзримо, разделено на дисциплинарные отсеки, культурные традиции и пр., расщепляя нашу способность понимать и требующее анализа данности (он, по-бибихински, называет – «поставами»). Эти поставки благодаря упорядоченному наведению необходимо соотнести между собой, чтобы обнаружить присущую проблемному полю логику. Тогда это поле окажется промежуточной стоянкой на пути как «вырезок целого», связывая между собой все большее число участников, становящихся поочередно то зачинщиками, то передатчиками, когда эмоции слагаются в систему межличностного возбуждения, обретающего все большее разнообразие, одновременно разнообразя чувства и реакции каждого.

Можно заметить, что в старые добрые европейские времена такая попытка

делалась, когда было очерчено различие между глаголами «быть» (ESSE) и «иметь», тем самым HABERE, от которого HABITUS, или SHEMA. Быть означало не связку (это вообще не обязательно). Первый означает «иметь существование как принадлежность действительности, быть достоверным, непротиворечивым, истинным». Это всегда «быть у» в значении «иметься» (у него есть отец). Связкой «быть» стал, когда передал свою функцию «existere, extare». Его функция предикативна. Чистое отождествление. Это предикат **принадлежности, обладания.**

Habere имеет транзитивную функцию. Это глагол **состояния.**

«Быть» – тоже глагол состояния, но состояния существующего, того, кто сам что-то есть, здесь внутреннее отношение тождества, а «иметь» – это состояние имеющего, того, у которого что-то есть (но потом может и не быть. Здесь два члена предложения, им соединенного, различны и остаются различными. Связь между ними остается внешней. Это отношение обладаемого к обладателю (города к плащу). «Иметь» обозначает только обладателя, и делает это с помощью того, что можно назвать (псевдо)объектом. Habere и ἔχειν, откуда «схема» - глаголы состояния (дело идет, habitus - способ быть, поведение), habere – иметь при себе или иметь на себе, habere in animo – замышлять, намереваться. «Быть» предполагает внутреннюю связь, а «иметь» – внешнюю. Выражение «Пьер имеет дом» тождественно выражению «Пьер строит дом». Пьер всегда надевает плащ, который уже есть, до него. Его внутреннее (anima) он строит сам, но дыхание (animus) до него. Связь между быть и иметь и пытается построить Олег.